

*С.М. Фёдоров**

**«ТРИСТА ЛЕТ ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ»
ИЛИ ТРИ ВЕКА ОЧАРОВАНИЯ ФРАНЦИЕЙ**

Появление коллективной монографии «Россия – Франция. 300 лет особых отношений»¹, составленной на основе материалов российско-французского коллоквиума, состоявшегося в октябре 2009 г., является, безусловно, событием и знаменательным, и актуальным. Год ее выхода в свет – 2010-й – стал «перекрестным годом» России во Франции и Франции в России. В 2012 г. общественность двух стран широко отметила 200-летие Отечественной войны 1812 г. Не за горами и еще один юбилей – 300-летие заключения первого российско-французского союзного договора, положившего начало регулярным дипломатическим отношениям между нашими странами, – это важное событие произошло в 1717 г. Вполне естественно, что такие «реперные даты» побуждают исследователей к осмыслению различных аспектов франко-российских отношений. Рецензируемая монография преследует именно такую цель – она представляет на суд читателя размышления о трех веках франко-российского взаимодействия не только в области политики, но и культуры, искусства, гуманитарной сферы.

Настоящее издание является продолжением, с нашей точки зрения, удачного опыта кооперации историков России и Франции, уже увенчавшейся выходом книги «Де Голль и СССР», в которой ученые проанализировали отношения между нашими странами в период Второй мировой войны и двух последующих десятилетий. Действительно, рассмотрение данной темы с двух сторон – российской и французской – позволяет более рельефно, стереоскопично высветить исторические реалии и процессы. Для читателя будет интересно сравнить, как оценивают одни и те же события русские и французские исследователи. Это – первый момент, который, на наш взгляд, делает рецензируемую книгу неординарным научным и культурным изданием.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, – «полифоничность» книги. То, что в ней представлены работы не только историков, но и культурологов, искусствоведов, политологов, музейных работников, придает этому изданию особое звучание, многомерность. Это

** Фёдоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.*

¹ Россия – Франция. 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010.

выгодно отличает его от большинства научных изданий, традиционно включающих в себя статьи исследователей лишь по определенной узкой проблематике.

Наконец, третий момент, который следует подчеркнуть, состоит в том, что главным редакторам книги удалось решить довольно сложную задачу – объединить «разношерстные» материалы коллоквиума в единое целое. Это получилось не только благодаря единственно возможному в данном случае распределению материалов по хронологическому принципу, но также и удачному сочетанию исторических сюжетов с материалами по культуре и искусству. В результате книга представляет собой не эклектичный сборник статей, а цельное коллективное исследование, имеющее свою логику построения и повествования. Книга, может быть, и не дает прямого ответа на вопрос, в чем суть «особых отношений» Франции и России на протяжении трёх столетий, но позволяет читателю, ознакомившись с ее содержанием, самому сделать вывод.

Каждый век франко-российских отношений представлен в книге интересными материалами, которые привлекут внимание не только специалиста, но и массового читателя. Кстати, сочетание высокого научного уровня (российская и французская стороны представлены лучшими на сегодняшний день франковедами и русистами) и беллетристики, в хорошем смысле, выгодно отличает это издание от большинства аналогичных книг.

Особенно «сочными» и увлекательными представляются материалы по XVIII в. В самом деле, уже первая статья Сергея Мезина о визите Петра I в Париж и договоре 1717 г. погружает читателя в то далекое время и позволяет ощутить себя чуть ли не участником «великого посольства», столь подробно и глубоко излагает материал автор. А следующая за ней статья о Версале и Петергофе Елены Кальницкой продолжает петровскую тему в сфере культуры и архитектуры. Интересны параллели между двумя дворцовыми ансамблями, в которых своеобразно отразилась идеология каждой из монархий.

Материалы, посвященные дипломатическим контактам в эпоху правления «трёх императриц», увлекают читателя не хуже известных романов Валентина Пикуля. Из вошедших в книгу статей мы узнаем о сложной миссии первого посланника французского короля в России – маркиза де ля Шетарди, «воплотившего в себе одном все качества дипломата, придворного и шпиона», о секретной, параллельной дипломатии Людовика XV, об искусстве соблазнения, которым пользовались французские дипломаты и шпионы в России, об их агентах влияния при дворе императриц.

Любителей истории и литературы наверняка привлечет материал Ирины Зайцевой о коллекции французских книг Екатерины Великой, представляющий своеобразную экскурсию по личной библиотеке императрицы. Знакомство с книжным собранием Екатерины позволяет лучше понять ее личность и образ мыслей, а также степень влияния французских авторов на современников, ведь 85% томов личной библиотеки «матушки-императрицы» составляли французские издания.

Статьи сборника, посвященные отношениям двух стран на рубеже XVIII–XIX вв., отличает подчас новый взгляд на события, не совпадающий с устоявшимися стереотипами. Об этом думаешь при чтении статьи Олега Соколова, посвященной попытке заключения союза между Наполеоном и Павлом I, материала Александра Чудинова о франко-русском торговом договоре 1787 г., а также блестящей по логике построения и литературному изяществу статьи Юрия Рубинского о Тильзите. Аналогичные суждения можно высказать и о статье Мари-Пьер Рей, рассказывающей о работе Александра I над послевоенным устройством Европы в 1814–1815 гг. Заслуживает внимания вывод автора о том, что царь-победитель, по сути, «предлагал первую попытку разоружения в европейской истории» (стр. 132).

Как уже отмечалось, статьи по искусствоведению и культурологии удачно дополняют в книге исследования историков. В этой связи представляется весьма интересной статья Брижит де Монкло о художественном и культурном влиянии Франции на Россию в XIX в. Из нее мы, в частности, узнаем неизвестные массовому читателю подробности о пребывании русских художников во Франции. Любопытная деталь: художник Васнецов, оказывается, именно в Париже создал одну из наиболее известных своих патриотических картин – «Богатыри». Из материала де Монкло мы узнаем и о том, какую выдающуюся роль в популяризации русской культуры и литературы во Франции сыграла деятельность И.С. Тургенева и произведения о России А. Дюма и Т. Готье. На наш взгляд, автор точно подмечает, что именно эти авторы положили начало увлечению французов «этой таинственной страной», которое живо и по настоящий день. Тому же в немалой степени способствовали и упомянутые де Монкло произведения графини Софии де Сегюр (урожденной Растопчиной) и Жюль Верна. Интересно отметить, что до сих пор романы де Сегюр «Генерал Дуракин» и «Приключения Михаила Строгова» Жюль Верна пользуются у французов популярностью с детских лет. В то же время они почти неизвестны в России.

Вероятно, именно к тому времени восходят истоки двуликого образа нашей страны в массовом сознании французов. С одной стороны, им присущ устойчивый интерес к «огромной заснеженной стране» и ее культуре. Кстати сказать, загадку «славянской (русской) души» также выдумали французы. С другой стороны, в массовом сознании французов присутствует неприятие «варварской державы» и опасение ее, которые в наиболее концентрированном виде выражены в известном памфлете маркиза де Кюстина. Такая полярность в восприятии России жива и сегодня. В этой связи представляется, что более основательное исследование темы асимметрии восприятия Франции в России и наоборот, особенно на современном этапе (а материалы такие имеются) могло бы, несомненно, еще более обогатить рецензируемую книгу.

К числу достоинств данной коллективной монографии можно отнести не только новое прочтение известных событий прошлого, но и отход от мифов и стереотипов, в свое время сложившихся в историографии франко-российских отношений. Это касается прежде всего XX века, а именно советского периода. Материалы, представленные авторами коллоквиума, как нам представляется, опровергают миф, распространенный в массовом сознании россиян о том, что отношения с Францией в советский период всегда отличались особой теплотой и доверительностью. Происхождение этого мифа понятно. С одной стороны, происходила экстраполяция союзных отношений рубежа XIX–XX вв. на советскую историю. С другой – была памятна совместная борьба против нацизма в годы Второй мировой войны, из-за чего политика генерала де Голля до сих пор воспринимается многими как дружественная по отношению к СССР, а сам генерал де Голль видится «лучшим другом Советского Союза» – «нашим человеком», в отличие, скажем, от У. Черчилля или Г. Трумэна. Советское руководство всегда ценило де Голля за его дистанцирование от США.

Между тем советско-французские отношения в довоенный период складывались крайне сложно, а в начале 30-х гг. вообще находились на грани разрыва. Достаточно сказать, что советские власти в конце 30-х гг. в ходе дела «Промпартии» заставляли обвиняемых «признаться» в шпионаже в пользу Франции (об этом мы узнаем из статьи Александра Ревякина). Развенчивается и другой миф – о стремлении Сталина защищать интересы Свободной Франции и ее лидера. О сложных и противоречивых отношениях «самого известного из французов» с «отцом всех народов» в период Второй мировой войны читатель узнает из статьи известного российского франковеда Марины Арзаканян и из текстов других участников проекта.

Из представленных в книге статей можно сделать вывод о том, что, вопреки расхожему мнению о «большой любви» генерала к Советской России сближение с СССР для него было вынужденным маневром, позволявшим поддерживать баланс сил в его сложных и подчас конфликтных отношениях с англосаксами и сохранять независимость своей внешней политики (в этом суть голлизма) в условиях послевоенного биполярного мира. Разумеется, это ничуть не ставит под сомнение искреннее уважение де Голля к нашей стране и его преклонение перед подвигом советского народа в годы Второй мировой войны.

Постсоветский этап в отношениях двух стран также не остался без внимания авторов книги – ему посвящены три статьи сборника. Две из них – Жоржа Сонье и Евгении Обичкиной – анализируют миттерановскую дипломатию в отношении России, политический контекст заключения Договора о согласии и сотрудничестве Франции и России в октябре 1990 г. и его актуализированную версию 1992 г.

Третья из упомянутых статей, написанная профессором Национального института восточных языков и цивилизаций и Института политических наук в Париже Анн де Танги, рассматривает нынешнее состояние российско-французских отношений. Она не только завершает сборник, но и звучит определенным диссонансом к общей тональности книги. Главной идеей автора является утверждение о том, что термин «привилегированное партнерство», которым обычно характеризуют отношения Франции и России, якобы не соответствует сегодня реальности. Можно согласиться с рядом аргументов, которые автор приводит для обоснования этого тезиса. Да, Германия стала де-факто первым экономическим партнером России, и ее рассматривают в Москве почти как союзника. С немцами более развиты гуманитарные контакты, в том числе туристические обмены. Не секрет, что 2/3 французов воспринимают Россию негативно (впрочем, отметим попутно, что и к США у них ненамного больше симпатии) и т.д. Критика в адрес «путинской» России, зачастую небезосновательная, звучит не умолкая. С этим также нельзя не согласиться. Этот перечень можно было бы продолжить, однако формат рецензии не дает возможности подробно остановиться на всех аргументах г-жи де Танги.

Можно предположить, что Анн де Танги претит известная «романтизация» отношений двух стран, вошедшая в традицию. Это легко понять. Но вот с выводами автора согласиться вряд ли возможно. Отметим несколько принципиальных возражений. Первое. Стоит ли противопоставлять политику Саркози в отношении России и Евросоюза? Было бы по

меньшей мере странным, если бы своим приоритетом Париж считал отношения с Москвой (даже если бы Россия была бы более сильной, чем сейчас). Просто в Париже хорошо понимают, что успех европейской интеграции невозможен в условиях конфронтации с Россией и раскола Европы. Об этом, по сути, говорит и сам автор, приводя слова Саркози о том, что «Европа и Россия должны работать вместе» (стр. 313). Кстати, вряд ли можно согласиться с мнением де Танги и о том, что наши отношения еще более осложнились в результате событий на Кавказе в августе 2008 г. Как раз наоборот, именно тогда они стали активно налаживаться, возможно, благодаря доверительному диалогу между Медведевым и Саркози, установившемуся в ходе «челночной дипломатии» французского президента.

Второе. «Как и прежде, Франция очень часто воспринимается в России в сравнении с Соединенными Штатами». Если исключить возможную неточность перевода, то все равно и само это утверждение, и его связь с «латентным антиамериканизмом» Франции остаются не слишком понятны. Думается, в СССР и России никогда не сравнивали Францию и США. Тем более сейчас, в постбиполярный период международных отношений. Показательно, что Москва с пониманием и без эмоций восприняла «возвращение» Франции в военные структуры НАТО. В отличие, кстати, от значительной части самой французской политической элиты.

Третье. Анн де Танги, ссылаясь на российских авторов, говорит о «деидеологизации и прагматизме» внешней политики современной России, что отражается на отношениях с Францией. «Мне кажется, – делает вывод автор, – что [...] в зависимости от сиюминутных интересов Москва признает за Францией ту или иную значимость», а значит «нет особых связей», «есть традиции дружбы и сотрудничества», и отношения между двумя странами «не являются приоритетными ни для Москвы, ни для Парижа».

Представляется, что тезис о чрезмерном прагматизме нынешней российской внешней политики по отношению к Франции является в лучшем случае неосознанным софизмом. Анн де Танги, на наш взгляд, не заметила главного, а именно – трехсот лет особых франко-российских отношений. Это были три века очарования, испытанного Россией перед «мягкой силой» Франции, три века (не побоимся эмоций) любви россиян, хотя большей частью безответной, к культуре Франции, ее великой истории, политике и самому образу жизни. Этому, как свидетельствует история, не помешали ни политические и идеологические трения, ни даже военные столкновения. Не помеха этому и прагматичная политика современ-

ной России. Вообще к России, наверное, как ни к одной другой стране, подходит известная фраза, приписываемая Бенджамину Франклину, о том, что «у каждого человека две родины: одна своя, другая – Франция». Видимо, подсознательно чувствуя это, а также осознавая особую ответственность наших стран за судьбы Европы, да и мира в целом, почти треть авторов сборника, включая автора вступительной статьи, приводит известные слова генерала де Голля: «Для Франции и России быть объединенными – значит быть сильными; быть разъединенными – значит находиться в опасности. Действительно, это – непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла». И хотя эти слова были сказаны в декабре 1944 г., в другом историческом контексте, они не утратили своей актуальности и в наше время.

* * *

Жанр рецензии предполагает и замечания в адрес разбираемой работы. Конечно, она не лишена некоторых недостатков. Въедливый и дотошный читатель найдет при желании кое-какие огрехи. Например, один из авторов датирует франко-русский союз конца позапрошлого века почему-то 1894 г. (стр. 142), тогда как соответствующее соглашение и военный союз были заключены в 1891–1892 гг. Нынешнее название компании «Батиньоль» не *Пти*, а *Сти*-Батиньоль. Стоит заметить также, что чтение книги было бы более комфортным, если бы не очень мелкий шрифт... Однако все это – мелкие недостатки, не ставящие под сомнение высокого научного и – что отрадно – литературного уровня рассматриваемой книги.

* * *

В заключение хотелось бы поздравить всех участников данного проекта и особенно его главных редакторов с выходом в свет интересного труда, который, несомненно, вызовет живой интерес не только у франковедов, но и у широкого круга читателей, интересующихся франко-российскими отношениями. Отметим также, что выход сборника стал одним из наиболее заметных событий среди 350 мероприятий «перекрестного года Россия – Франция».